

Image of Persia in the Russian Documentary Prose of the XIX century ("Journey to Persia" by A.D. Saltykov)

Maltseva Tatiana Vladimirovna¹

Professor at Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: January, 2019; date of acceptance: April, 2019)

Abstract

Relations between Russia and Persia have a long history, but the problem of their mutual understanding and perception still stays under explored. Documentary witnesses on socio-political and cultural contacts between Russia and Persia are of the most interest in this aspect. An important source here is notes, letters and itineraries of Russian travelers who have visited Persia in XVIII-XIX centuries. One of such documents depicting the first-hand impression of meeting with “wonderful” and “fantastic” East is the note by Aleksey Saltykov "Journey to Persia". This book was written during the author's journey to Persia in 1838-1839. "Journey to Persia" and all notes of such kind are the most valued for the “living details” of the author's reflection of meetings and travelling observations. These natural details and intimate impressions have provided the basis for the oriental text in Russian literature.

Keywords: A.D. Saltykov, "Journey to Persia", Russian-Persian Contacts, Oriental Text, Documentary Genres.

1. E-mail: kafllit@yandex.ru

Изображение Персии в русской документальной прозе XIX века («Путешествие в Персию» А. Д. Салтыкова)

Мальцева Татьяна Владимировна¹

Профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: январь 2019 г.; дата принятия: апрель 2019 г.)

Аннотация

Отношения между Россией и Персией имеют длительную историю, но проблема взаимного осмысления и восприятия иной культуры еще мало изучена. Особенный интерес в этом отношении представляют документальные свидетельства об общественно-политических и культурных контактах между Россией и Персией. Важным источником являются записки, письма, путевые журналы русских путешественников, посещавших Персию в XVIII – XIX вв. Интересным документом, передающим непосредственное впечатление от встречи с «чуждым» и «фантастическим» Востоком, являются записки князя Алексея Дмитриевича Салтыкова «Путешествие в Персию». Книга была написана во время путешествия автора в Персию в 1838-1839 гг. и издана в 1849 г. Особенно ценны в этих и подобных записках «живые подробности» авторской рефлексии от встреч и путевых наблюдений. Эти натурные детали и личные впечатления легли в основу ориентального текста русской литературы.

Ключевые слова: А.Д. Салтыков, «Путешествие В Персию», Русско-Персидские Контакты, Ориентальный Текст, Документальные Жанры.

1. E-mail: kafllit@yandex.ru

Введение

Взаимоотношения между Россией и Ираном имеют длительную историю. Первые торговые и политические контакты между отдельными территориями России и Персии начались еще в VIII в., а с XVI в. страны уже стали обмениваться посольствами (Кулагина 2010. 7).

Несмотря на длительность и важность контактов пограничных государств связи России и Персии изучены еще недостаточно, хотя следует отметить, что в отечественной науке многое делается для введения в научный оборот новых документов и текстов. Так, важным историческим источником является коллективный труд ученых Института востоковедения Российской академии наук под руководством Людмилы Михайловны Кулагиной «Россия и Иран (XIX – начало XX века)» (Кулагина 2010). Подведены некоторые итоги литературоведческого исследования ориентального текста русской литературы в докторской диссертации Павла Викторовича Алексеева «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептофера русского ориентализма» (Алексеев 2015).

В этих на сегодняшний день итоговых источниковедческих и научных трудах прокомментированы исторические и литературные факты: торговые, военные и политические договоры, с одной стороны, корпус литературных произведений, являющий собой собственно ориентальный текст, – с другой стороны.

За пределами подробного анализа остаются пока несобственно-литературные произведения – записки, письма, путевые дневники и журналы путешественников по Персии. Они представляют интерес и как документальные, и как литературные источники, поскольку входят в контекст уже существующего потока подобных произведений, «вышедших из "Писем русского путешественника" Н.М. Карамзина» (Лотман, Успенский 1987). В

екатерининскую эпоху в России серьезное внимание уделялось изучению географии Азии и быта восточных народов, но подробных и достоверных сведений об этих территориях было крайне мало. В последнюю треть XVIII в. активизировались русско-турецкие военные сношения, появилась целая группа документальных текстов свидетелей, очевидцев и участников этих событий – солдат, служащих, торговцев. Многие из этих документов были напечатаны в XVIII и начале XIX вв. и имели успех у публики: «Странствование Филиппа Ефремова», «Цареградские письма» и «Плен и страдания россиян у турков» П.А. Левашова, «Нещастные приключения» В. Баранщикова и другие. Эти ценные источники доступны: они переизданы в научных целях и прокомментированы профессором МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Вигасиным в 1995 году (Вигасин 1995).

«Своеручные» записки очевидцев, которые доставляли сведения о Средней Азии, Турции, Индии, имели феноменальный успех. Свидетельства очевидцев о Персии появились в XIX веке – это «Записки» русского офицера А. О. Дюгамеля, «Воспоминания полномочного министра» А.О. Симонича, «Воспоминания о Персии» Ф.Ф. Корфа, «Путешествие в Персию» А.Д. Салтыкова. Эти свидетельства во многом поколебали устойчивый образ сказочного Востока, явив русскому читателю реальные картины жизни некогда процветавшей империи.

В данной статье будет рассмотрено «Путешествие в Персию» А.Д. Салтыкова – русского дипломата, путешественника, беллетриста и художника. Официальная должность давала ему большие возможности знакомства со страной, а безусловный литературный талант обеспечил художественную значимость его записок. Предметом анализа являются источники формирования образа Востока и авторская стратегия его изображения в «Путешествии в Персию» А.Д. Салтыкова.

Основная часть

1- Первое впечатление о Персии

Князь Алексей Дмитриевич Салтыков (1806 – 1859) служил в Коллегии иностранных дел, выполнял дипломатические поручения в Константинополе, Греции, Риме, Флоренции. 7 августа 1838 года Салтыков получил назначение в Тегеран. Служба продолжалась 10 месяцев, в Петербург Салтыков вернулся 4 мая 1839 года. Во время путешествия и службы в Персии Алексей Дмитриевич наблюдал и описывал нравы и образ жизни ее жителей. Записки были изданы им в России в 1849 году (Салтыков 1849; все цитаты в статье приводятся по этому изданию. – Т. М.). Выйдя в отставку, Салтыков поселился в Париже и совершил два путешествия по Индии в 1841–1843 и в 1845–1846 годах. По итогам странствий Салтыков издал в Париже на французском языке собственноручно иллюстрированную книгу о путешествиях по Персии и Индии (Салтыков Алексей 1860).

На издание книги откликнулся литератор Петр Андреевич Вяземский, дав пронизательную характеристику путевых заметок А.Д. Салтыкова: «Здесь любопытство соперничает с занимательностью, блеск слога с богатством, простотою и верностью рисунка <...>. Нет ничего живописнее, оригинальнее картин, описаний, типических портретов, собранных князем-путешественником <...>. Творение князя Салтыкова тем особенно замечательно, что он хорошо понял свою философическую и художественную цель. Отправившись в путь с желанием исследовать края, которые доньше мерещатся нам под обаятельными туманами «Тысячи и одной ночи», он показал нам варварство этого края в истинном его виде. Все усилия его направлены были на то, чтобы схватить живьем дикую природу» (отзыв дан в современной орфографии. – Т.М.) (Вяземский 1851).

Чем же так заинтересовала современников книга Салтыкова? В чем ее привлекательность и ценность? П.А. Вяземский отметил две важные черты в

«Путешествии в Персию». Во-первых, в «Путешествии в Персию» «живьем» и «верным рисунком» схвачена настоящая «дикая природа» Персии, а во-вторых, реальная Персия порождает совсем иные впечатления, чем традиционный ее образ в сказках Шехерезады.

Рассмотрим, справедливо ли мнение Вяземского о записках Салтыкова, и какую роль они играют в формировании образа Востока в отечественной ориенталистике.

А.Д. Салтыков не был первооткрывателем Персии. До него свидетельства об этой стране оставили и другие служащие Российской империи, но их записки имеют служебный характер и описывают достаточно узкую сферу жизни Персии. Авторство большинства записок принадлежит военным, поэтому их описания лишены живых деталей быденной жизни.

«Путешествие в Персию» написано художником и знатоком европейской культуры и искусства, объехавшим всю Европу, поэтому в записках нет профессиональных границ – путешественнику интересно все, что он видит по пути следования, причем, видит как художник. Художнический взгляд в «Путешествии в Персию» задан с самого начала. Текст предваряет предисловие, в котором Салтыков вспоминает свои детские впечатления от первой встречи с Востоком в 1816 году во время прибытия персидского посольства в Петербург.

Восточная тема была очень популярна в романтическом искусстве начала XIX века. Сам Салтыков пишет, что Восток представлялся ему по работам художника Александра Осиповича Орловского. А.О. Орловский (1777 – 1832) был известен как живописец-баталист и автор многочисленных восточных зарисовок, военных портретов, бивуачных сцен. Искусствовед Николай Николаевич Врангель отметил, что его рисунки – «целый дневник эпохи романтической и увлекательной» (Врангель 2001. 94). Двенадцатилетний Салтыков, хорошо знавший творчество художника Орловского, грезил о

Востоке: «Его (Орловского. – Т. М.) кисть тогда уже переносила мое воображение на Восток», – отмечает Салтыков (Салтыков 1849. 3).

Встреча персидского посольства в Петербурге произвела на юного Салтыкова фантастическое впечатление. «В один туманный зимний день, в три часа по полудни, нетерпеливое ожидание мое разрешилось трепетным чувством довольствия. У окна родительского дома на Дворцовой набережной раздался торжественный звук кавалергардских труб, и вдали появились две громады, которые медленно, с странным колебанием, подвигались вперед. Это были слоны, предшествующие поезду посольства. В чудном убранстве, фантастически расписанные, и в сапогах, эти движущиеся колоннады прошли как чудные создания неведомого мира. Следом ехали два Абиссинца в бархатной шитой золотом одежде на ярых жеребцах. За ними угрюмые Персияне, в своем обычном наряде, вели под уздцы двенадцать коней. Потом следовала толпа Персидских всадников в великолепных парчовых и шалевых одеждах, и наконец придворная золотая карета цугом, с скороходами и камерпажами. В ней сидел посол Фет-Али-Шаха, Мирза-Абул-Гассан-Хан, в белой шалевой одежде, с алмазной звездой и зеленой лентой ордена Льва и Солнца. Его сопровождали девять Персидских всадников, с странно оседланными конями.

Это странное видение произвело на меня сильное впечатление и породило страстное желание видеть Восток и особенно Персию».

Под впечатлением встречи персидского посольства в 1816 году Салтыков нарисовал акварельный набросок этого эпизода.

В тексте «Путешествия в Персию» Салтыков упомянул этот факт, когда в Тегеране встретил посла, которого видел на набережной Невы 22 года назад: «Я встретил недавно на улице едущего верхом Мирзу Абул-Гассан-Хана, бывшего в 1816 году послом в С.-Петербурге. За ним шли пешком два негра и много Персиян. Эта встреча припомнила мне самую давнюю старину».

Так в ранней юности в сознании будущего путешественника сложился образ Востока как «чудного», «фантастического», «неведомого мира». В ожидании встречи с этим чудом А.Д. Салтыков 28 августа 1838 года в служебных целях начал свое путешествие в Персию из Владикавказа через Тифлис и Нахичевань.

2. Образ Востока: мечта и реальность

Содержание записок Салтыкова – традиционное для путешествия в незнакомые страны: природа, климат, расстояния, населенные пункты, население, быт, пища, языки, архитектура, памятники и достопримечательности. Документальные травелоги уже выработали традицию словесного описания географического пространства: «В них впервые были описаны восточные и южные страны, освоена их топонимика, сформировалась культура географических описаний иных по климату, образу жизни и быта государств (Мальцева 2008. 9). Следуя этой традиции, Салтыков упоминает практически все реалии восточной жизни, обильно включает в текст топонимы, антропонимы, этнонимы, экзотизмы в целях знакомства читателя с новыми местами. Часто слова, которые автор слышит впервые, в тексте выделены курсивом; иногда автор дает местное и общепринятое название. Это, например, топонимы *Каравансарай*, *Арагва*, *Кыблеи-Алем*, *Зенган*, *Тавриз* (*по-тамошнему Тебриз*), *Ирак* (*по-персидски Араз*), *Сиодоун*, *Султанийэ*; экзотизмы *духан*, *бураки*, *шашлык*, *кебаб*, *михмандар*, *фераш*, *плоф*, *челоф*, *чурек*, *тилав*, *баданджан*, *мюрек*, *алюбухара* (*особенный род слив*), *гэнэ*, *ранг*, *джентельмен* (*по-персидски наджиб-адама*), *гранат* (*по-персидски нар*), *диван-хан* (*то есть приемная зала*), *чадра*, *хазнэ*, *назир*, *часовой* (*по-персидски караул*), *мехтер*, *джейран* (*род оленя*), *гулям*, *чарвадар*, *чапар*.

Начало путешествия эмоционально напряженное, отмечено нарастанием нетерпеливого ожидания и даже восторга. Первые страницы записок составляют пейзажные и природные зарисовки. Пышная южная природа резко контрастирует с видами Севера и средней полосы России. Салтыков как художник восхищен великолепием природы и делает ее словесные зарисовки как рисунок на живописном мольберте: «...кончилась равнина, по которой я ехал от самого Петербурга до Владикавказа <...>. Сцена освещена утренним солнцем; но некоторые места еще затаились в тумане; все зелено; черные буйволы резко отделяются на бирюзовой траве; высокие горы покрыты лесом; за ними другие еще выше в темно-серой тени, а далее снеговые вершины скрываются в небесах».

А вот «[о]ткрывается другой вид, мрачный и дикий; громады гор одна над другой громоздятся около меня; уединенный аул таится в глухом ущелье. Черкес в черной бурке на вершине хребта стережет свое стадо. Леса густеют на горах, стада овец рассыпаны по крутым утесам, пастухи лежат в долине на сухой траве, а лошади пасутся возле них»; «Караван верблюдов, который мы вчера объехали, поднялся уже в путь и представлял романтическую картину на грунте темно-зеленой горы с белым верхом».

Создаваемый в тексте образ Востока имеет глубоко личный субъективный характер. Он создается в записках несколькими способами. Во-первых, он извлекается из детской памяти как чудесная мечта, а, во-вторых, описывается через сравнение с похожими европейскими реалиями, известными Салтыкову как завязанному путешественнику.

Пышность и сказочная яркость природы как будто обещают, что мечта о чудном Востоке воплотится в реальности: «Давно ли еще был я в толпе гуляющих по Невскому проспекту и набережной, — а теперь в такой дали, в такой глуши Кавказа, еду в Персию. Неужели это истина, а не прекрасный сон?» Автор с нетерпением ждет этой встречи. В романтических тонах он

описывает «свою» долгожданную Персию: «[Э]та дорога сквозь ущелья и леса скоро приведет меня в Персию. Дюгамель и доктор (сотрудники посольства. – Т. М.) также едут в Персию, но не туда, куда я: я буду жить в особом мире, где еще никто не бывал. В стране, для них скучной и бесплодной, я найду тайные сокровища, хранящиеся в ней только для меня одного; мне одному они известны, — никто не может отгадать, где они, я один могу ими пользоваться, но тайно, чтоб чужой глаз, чужое холодное дыхание, не разрушили волшебных замков воображения».

Путешественник по мере приближения детализирует свою мечту, расцветивает ее подробностями воображения и видит как будто наяву. В записи от 24 сентября 1838 года Салтыков изображает Персию как край, «где некогда жил»: «Еще очень рано, солнце не всходило <...> но я не мог спать: мысль, что еду в Персию, достигаю наконец своей цели, разбудила меня рано. Я боялся, не сон ли это? Чтоб успокоить себя, я повторял себе, что это истина, истина, что столь давнишняя мечта наконец осуществляется. Трудно объяснить чувство, которое одушевляет меня по мере, как я приближаюсь к местам столь знакомым моему воображению, где мне кажется, что я некогда жил, к местам прекрасных воспоминаний моего детства. Я так ясно вижу вдали города многолюдные или печальные, бесплодные стены или зеленые сады, и людей, принадлежащих будто к чужому миру, но мне столь знакомому, расстояние исчезает день ото дня, и скоро эта картина моего воображения будет перед моими глазами, мечта о Персии исчезнет вдруг, как дивный сон, чтоб дать место истине».

По дороге Салтыков подробно описывает незнакомое географическое пространство. Чтобы передать читателю приметы новых мест, автор использует знакомые русскому образованному и путешествующему по Европе читателю европейские локусы, показывая незнакомое через известное, при этом натурные и пейзажные детали значительно романтизируются:

«Местоположение Владикавказа у подошвы ледяных гор *похоже на Боценскую долину в Тироле* (курсив здесь и далее наш. – Т. М.); «*Я вспомнил о Греции, — мой путь из Пароса в Навилию*: там горы не столь высоки, но дорога страшнее и опаснее»; «...когда въехал в Грузию по направлению к Тифлису, то *вид, окруживший меня, напомнил о берегах Рейна*»; «Виды прекрасные, и часто *напоминают мне дорогу между Флоренцией и Римом*»; «Проехав 25 верст *среди долин, похожих на Тироль*, между снеговых гор, мы остановились ночевать в деревне Карвансарай»; «Мы едем по прекрасной долине, называемой Дилиджанское ущелье. <...> Я теперь *воображаю себя на дороге в Рим, между Терни и Нарни*, огромные скалы меня окружают, и формы их и расположения на всяком шагу изменяются; горные ключи шумят и падают каскадами...»; «Я забываюсь иногда, — *мне кажется, что я или в горах Кастелло-Маре, или около Кавы (близ Неаполя)*. Но вдруг, будто пробуждаясь, память говорит мне, что это не Италия, что эта дорога сквозь ущелья и леса скоро приведет меня в Персию»; «...здесь единственный дом... похож на те дома, которые *разбросаны по дороге из Неаполя в Портичи*».

Природа радует путешественника, но приметы человеческой жизни глубоко разочаровывают. Путешественник с нетерпением ожидал увидеть первый по-настоящему восточный город Тифлис с азиатской роскошной архитектурой среди буйной зелени, а увидел совсем другой Тифлис: «И вот я уже вижу Тифлис вдаль; но какой Тифлис? совсем не тот, который я воображал, о котором грезил так давно! Где же он? — Увы, я уже не увижу его никогда: по мере, как я приближался к настоящему Тифлису, ложный Тифлис, нарисованный моим воображением, изглаживался с холста моей памяти <...> надо сказать, что настоящий Тифлис не так хорош и велик; *серые и более Европейские его строения* печально стоят между голых скал; не видно отрадной зелени и Азиатской роскошной архитектуры, <...> а мне так хорошо снилось о густых садах и Азиатской неге, смешанной с горскою дикостью...».

3. Мифологизация образа Востока

Литературный сюжет «Писем из Персии» – это сюжет разочарования и крушения романтической юношеской мечты об удивительном мире. Лейтмотив этого сюжета – сравнение древней и современной Персии. Образ Востока по мере продвижения путешественника вглубь территории собственно Персии тускнеет, потому что реальность резко контрастирует с его ожиданием. Природа бедна: «Напрасно взор путешественника, утомленный унылым однообразием, стремится вдаль, и будет искать какого-нибудь предмета отрадного для души: он не увидит ничего, кроме мертвенности и гор свинцового цвета»; «... я <...> ничего не видел, кроме мертвой степи, унылой и однообразной. Неужели вся Азия такова?»

Картины азиатской действительности рожают культурный шок: «Повсюду нищета, дикость и грубость нравов». Люди живут в земляных ямах: они «пользуются покатосями земли, чтобы выкапывать в них пещеры, и там живут; если же нет покатостей, то просто роют яму в земле и сидят в ней, прикрыв свою нору ветвями»; поселения представляют собой «ряды серых стен, сооруженных из грязи, за которыми кое-где видны низкие дома также из грязи и полумертвые сады»; города представляют собой «сборище убогих мазанок, населяемых нищими, которых заедают клопы».

Описания восточного быта строятся с точки зрения цивилизационного дискурса – как противопоставление цивилизации и первобытной простоты и дикости. Автор как художник нашел интересный мифологический код интерпретации реальности: время существования Востока идентифицируется как застывшая эпоха «первых времен Азии». Так выглядят, по мнению автора, одежды и выражение лиц населяющих эти места людей: «Покрой их простой одежды из крашеной холстины носит на себе какой-то *отпечаток первых времен Азии*; мне показалось, что я вижу тех же самых женщин, которые *здесь жили за несколько тысяч лет*. Выражение лиц их меня удивило. Я никогда еще не видывал подобной дикой простоты, какая изображалась в их чертах».

Время как будто застыло в этих местах. Автора окружают развалины, руины, разрушенные и оставленные старинные замки, что укрепляет путешественника во мнении о древности этих мест. Вот *«старинный замок на утесе* – «он недавно еще был обитаем, но теперь покинут. Мы едем далее; огромный камень лежит посреди дороги. Верно *это обломок, некогда упавший с неизмеримых стен*, окружающих теперь меня; в нем почерневшие от огня впадины доказывают, что тут жили люди». Вот «возвышается одинокая скала, а на ней *древний замок*, как орлиное гнездо, висит на крутизне; здесь, может быть, *в старину, обитало какое-нибудь хищное племя*».

В целом, семантика мифологизации – дикость и древность.

Кроме того, о мифологической древности и богатстве Востока свидетельствуют остатки имперской роскоши. Незабываемое впечатление произвел на путешественника чудный шахский дворец в Зенгане: «Только калейдоскоп может подать мысль о волшебной прелести форм и цветов, столь внезапно ослепивших мой взор. Золото, хрусталь и все радужные цвета повсюду горели в просторном лабиринте сводов и галерей.<...> Легкость в блестящей архитектуре этих палат так необычайна, что они показались мне созданными не для людей, а для каких-нибудь духов, обитавших в Персии, когда она была еще цветуща и прекрасна, во времена Шехеразады. Я помещаюсь в верхнем этаже восьмиугольной залы. Ряды тонких зеркальных столбов поддерживают восемь горниц, наподобие лож театра. Зеркальные призмы в стенах и потолке ярко блестят в чудном смешении по золотой живописи цветов, как будто только что сорванных, изображений охоты, битв, пышности царской и неги любви. Все полы устланы драгоценными коврами; радужные лучи солнца таинственно проникают сквозь прозрачную мозаику из миллионов разноцветных стеклышек. Мне казалось, что все стены чудно составлены из драгоценных камней. Огонь сапфира, яхонта и изумруда горел в мелких узорах окон». Украшают этот дворец картины с изображением древних династий: «Портреты знаменитейших Шахов, казалось, устремили на меня

свои суровые взоры. Вся Персия представлялась мне в бесконечной реке времен: во тьме глубокой древности баснословный Зохак пожирал народ свой на скалах Демовенда. Благотворный Джемшид, блестящий как солнце, озарял Персию ярким светом и распространял границы могучего своего царства... Потом снова все скрывалось как будто в черных тучах. Толпы варваров опустошали Персию....».

Но современная Персия – «опустошенная, сухая, серая, голая, просторная земля, на которой кое-где еще разъезжают верхами несколько плутов, в острых шапках, с черными бородами, и кое-где видны жалкие строения, во внутренности которых осталось еще довольно Азиатской роскоши и вкуса».

Остатки роскошной архитектуры свидетельствуют о былом величии империи персов, но это все в прошлом. Ныне же «в Персии везде и всегда одно и то же серое однообразие».

Тегеран как средоточие жизни Персии и шахский дворец как место обитания «Центра мира» (Шаха не называют иначе)» в описании Салтыкова дают полное представление о придворном быте и нравах, политическом устройстве и средствах управления государством. В описании столичной жизни содержится много ценных наблюдений, анализ которых может стать темой отдельной статьи.

Заключение

Записки путешественников о Персии появились в XIX веке – это «Записки» русского офицера А.О. Дюгамеля, «Воспоминания полномочного министра» А.О. Симонича, «Воспоминания о Персии» Ф.Ф. Корфа. Эти свидетельства во многом поколебали устойчивый образ сказочного Востока, явив русскому читателю реальные картины жизни некогда процветавшей империи. Одно из свидетельств о Персии оставил А.Д. Салтыков в путевом дневнике «Путешествие в Персию». Особенно ценны в его записках «живые

подробности» авторской рефлексии от встреч и путевых наблюдений. Эти натурные детали и личные впечатления легли в основу ориентального текста русской литературы.

Нетривиально в «Путешествии» Салтыкова описана восточная природа – от Закавказья до Персии: как художник автор делает ее живописные зарисовки, как беллетрист «живописует» словом тончайшие детали пейзажного пространства. Это выгодно отличает указанное произведение от иных восточных записок. Салтыков использует знакомые русскому образованному и путешествующему по Европе читателю европейские локусы, показывая новое географическое пространство через сравнение с известными европейскими дестинациями.

Описания восточного быта в повествовании А.Д. Салтыкова строятся с точки зрения цивилизационного дискурса – как противопоставление цивилизации и первобытной простоты и дикости. Автор нашел интересный мифологический код интерпретации реальности: время существования Востока идентифицируется как застывшая эпоха «первых времен Азии». В соответствии с этим образ Востока в повествовании мифологизируется.

Лейтмотив «Путешествия в Персию» – сравнение древней и современной Персии. Под пером Салтыкова «вся Персия» предстала «в бесконечной реке времен» и явила миру великие ее достижения и победы в прошлом и запустение в настоящем.

Литература

- 1- Алексеев П.В. (2015). *Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма*: диссертация... д-ра филол. наук. Томск.
- 2- Врангель Н. (2001). *Романтизм в живописи Александровской эпохи и Отечественная война // Свойства века. Статьи по истории русского искусства барона Николая Николаевича Врангеля*. СПб: Изд-во «Журнал "Нева" - "Летний Сад"».

- 3- Вигасин А.А. (1995). *Путешествия по Востоку: В эпоху Екатерины II [Сборник / введ. А.А. Вигасина]*. М.: Изд-во «Восточная литература; Школа-пресс».
- 4- Вяземский П.А. (1851). *Путешествие князя А.Д. Салтыкова по Персии и Индии*. URL: www.litres.ru/petr-vyazemskiy/puteshestvie-knyazy-a-d-saltykova-po-persii-i-indii/chitat-onlayn/page-2/
- 5- Кулагина Л.М. (2010). *Россия и Иран (XIX – начало XX века)* / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; [отв. ред. Н.М. Мамедова]. М.: Изд-во «Ключ-С».
- 6- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1987). «*Письма русского путешественника*» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Изд-во «Наука».
- 7- Мальцева Т.В. (2008). *Изображение природы в русской документальной прозе второй половины XVIII века* // Природа в художественном слове. Идеи и стиль / под ред. Т.Я. Гринфельд-Зингурс. СПб.: Изд-во «ЛГУ им. А.С. Пушкина».
- 8- Салтыков А.Д. (1849). *Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова*. М.: Изд-во «Университетская типография». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Saltykov_persien/pred.phtml?id=7705
- 9- Салтыков Алексей (1860). *Путешествие по Персии и Индии*. В 3 томах. Париж, 1860–1861.

Bibliography

- 1- Alekseev P.V. (2015). *Vostok i vostochnyj tekst russkoj literatury pervoj poloviny XIX veka: konceptosfera russkogo orientalizma: dissertacija...* d-ra filol. nauk. Tomsk.
- 2- Vrangeli' N. (2001). *Romantizm v zhivopisi Aleksandrovskoj jepohi i Otechestvennaja vojna // Svoystva veka. Stat'i po istorii russkogo iskusstva barona Nikolaja Nikolaevicha Vrangelja*. SPb: Izd-vo «Zhurnal "Neva" - "Letnij Sad"».
- 3- Vigin A.A. (1995). *Puteshestvija po Vostoku: V jepohu Ekateriny II [Sbornik / vved. A.A. Vigin]*. М.: Изд-во «Vostochnaja literatura; Shkola-press».
- 4- Vjazemskij P.A. (1851). *Puteshestvie knjazja A.D. Saltykova po Persii i Indii*. URL: www.litres.ru/petr-vyazemskiy/puteshestvie-knyazy-a-d-saltykova-po-persii-i-indii/chitat-onlayn/page-2/
- 5- Kulagina L.M. (2010). *Rossija i Iran (XIX – nachalo XX veka)* / Ros. akad. nauk, Int t vostokovedenija; [otv. red. N.M. Mamedova]. М.: Изд-во «Kljuch-S».
- 6- Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. (1987). «*Pis'ma russkogo puteshestvennika*» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kul'tury // Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. L.: Изд-во «Наука».

- 7- Mal'ceva T.V. (2008). *Izobrazhenie prirody v russkoj dokumental'noj proze vtoroj poloviny XVIII veka* // Priroda v hudozhestvennom slove. Idei i stil' / pod red. T.Ja. Grinfel'd-Zingurs. SPb.: Izd-vo «LGU im. A.S. Pushkina».
- 8- Saltykov A.D. (1849). *Puteshestvie v Persiju. Pis'ma kn. A.D. Saltykova*. M.: Izd-vo «Universitetskaja tipografija». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Saltykov_persien/pred.phtml?id=7705
- 9- Saltykov Aleksej (1860). *Puteshestvie po Persii i Indii*. V 3 tomah. Parizh, 1860–1861.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Мальцева, Т. (2019). Image of Persia in the Russian Documentary Prose of the XIX century ("Journey to Persia" by A.D. Saltykov). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 7(2), 81-97.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.81

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/81>

تصویر ایران در آثار مشهور مستند روسیه سده نوزدهم
(«سفر به ایران» آ.د. سالتیکوف)

تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا^۱

استاد دانشگاه دولتی آ.س. پوشکین لنینگراد،

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۱۹)

با اینکه روابط بین روسیه و ایران تاریخچه‌ای طولانی دارد، اما موضوع درک درست فرهنگ‌های گوناگون هنوز بسیار کم بررسی شده است. مدارک و اسناد موجود درباره روابط اجتماعی، سیاسی و فرهنگی روسیه و ایران اهمیت ویژه‌ای دارند. از مهم‌ترین منابع در این حوزه، یادداشت‌ها، نامه‌ها و مجلات سفر گردشگران روسیه است که از سده هفدهم تا نوزدهم میلادی از ایران دیدن کرده بودند. یکی از مهم‌ترین منابعی که ما را به فضای شرق «رؤیایی» و «فوق‌العاده» می‌برد، یادداشت‌های شاهزاده «آلکسی دمیترویویچ سالتیکوف» با نام «سفر به ایران» است. این کتاب در جریان سفر نویسنده به ایران در سال‌های ۱۸۳۹-۱۸۳۸م. نوشته می‌شود و در سال ۱۸۴۹م. به چاپ می‌رسد. یکی از ویژگی‌های بسیار مهم و جالب این کتاب و کتاب‌های مشابه ذکر «جزئیات عینی» از ملاقات‌ها و مشاهدات شخصی نویسنده در سفر است. این نوع جزئیات و خاطرات شخصی، پایه و اساس متون ادبی روسیه در حوزه شرق را تشکیل می‌دهند.

واژگان کلیدی: آ.د. سالتیکوف، «سفر به ایران»، روابط روسیه و ایران، متون شرقی، ژانرهای مستند.